

ИНТЕРВЬЮ С ИНТЕРЕ

Собеседник подростка

Заслуженную артистку РСФСР Лию Ахеджакову, нашу землячку, вы хорошо знаете, если смотрели фильмы «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Ищу человека», «Журавль в небе», «Двадцать дней без войны». Сегодня Лия Ахеджакова — ваш собеседник.

Я
РОДОМ
ИЗ
ДЕТСТВА

ДОВЕРЯЮ СЕБЕ

— Как вам кажется, Лия, какие черты характера, сложившиеся в юности, определили вашу дальнейшую судьбу!

— Настойчивость. Решительность. Какая-то подспудная нутряная вера: то, что я делаю, к чему стремлюсь, чего добиваюсь, — единственно правильное, единственно возможное. Это упорство, упрямство или доверие к себе, уж не знаю, как точнее определить, помогло мне стать актрисой, преодолеть всеобщее недоверие. Сейчас мы привыкли к таким «неактерского» вида актерам, как Леонов, Дуров, Чурикова, а когда я поступала, каноны были несколько иные.

Тебе бы лучше о другой профессии подумать, говорили мне, когда в семнадцать лет я обходила московские студии с вопросом, не нужны ли им актрисы. А в приемной комиссии мне посочувствовали: вы талантливая девочка, но не надо портить себе жизнь, вы не будете актрисой. Но я-то знала, что буду. Поступила в случайный институт, занималась в самодеятельности и еще больше убедилась, что не могу без театра. Была уверена, что это будет детский театр. Так и случилось. После ГИТИСа шестнадцать лет работала в Московском ТЮЗе.

Я умею так хотеть, что добиваюсь желаемого. И хотя по натуре я человек робкий, застенчивый, но в какие-то моменты становлюсь совсем другой. Так, если уже я решила посмотреть какой-то спектакль, то готова была кланяться лишний билетик, кого-то умолять, просить, лить слезы, сидеть на полу, пролезать на

балкон и лежать на перилах или вообще стоять, каким угодно способом пробравшись в зал.

А когда пришла пора расставаться с детским театром, ушла из ТЮЗа решительно, бесповоротно. Ушла в «Современник», понимая, что все придется начинать с нуля — от ролей до взаимоотношений с людьми. Но вместе с этой решимостью во мне живет чувство страшной неуверенности, когда я выхожу на сцену, а рядом со мной столько прекрасных известных актеров. Так боюсь, играя вместе с ними, «проиграть», «затеряться во льдах».

И хотя я сомневаюсь, вижу все свои ошибки, когда приходит время что-то главное решать, выбирать, я снова доверяю себе. И, поступив так, а не иначе, верю, что сделала правильно, что бы вокруг ни говорили. Это происходит почти бессознательно, интуитивно. И с юности есть эта упрямая уверенность — в главном я правильно живу, правильно поступаю.

— Что из впечатлений детства особенно на вас повлияло!

— Тогда я каждый день прямо из школы бежала в театр, где работали мои папа и мама. Даже спала там на каком-то старом сундуке. Родители брали меня с собой на выездные спектакли. На всю жизнь запомнился зал. Донда, распутица, застряли в пути. Добрались уже далеко за полночь, грязные, вымокшие, усталые. Все хотели только одного — спать. Входим в клуб, а там полный зал зрителей. Оказывается, они не расходились, ждали артистов. А те, когда это увидели, преобразились на глазах. Начали быстро ставить декорации, гримироваться. И никогда пре-

жде так не играли. Шекспира, кан в тот вечер, вернусь, в ту ночь. Я и сейчас, став профессиональной актрисой, поражаюсь и завидую тому бескорыстному самоотверженному служению искусству, своему делу, которое было в нашем маленьком театре в Майкопе, где прошло мое детство.

Когда я была маленькая, моя мама сильно болела. Ночью я просыпалась и прислушивалась — дышит ли мама? С детства остался этот страх — мамы не станет. Мама была актрисой, а что такое актриса в периферийном театре — множество ролей, репетиции поздними вечерами, выездные, вроде того, о котором я рассказывала. Все очень беспокоились, что мама так много работает, и ее болезнь пройдет. Так и вышло. И вот это убеждение, что работа — спасение от бед, с той поры осталось во мне. И еще осталась боязнь потерять. Страх, а вдруг не успею

сказать людям, которых люблю, что они для меня значат. Поэтому когда у кого-то из моих товарищей актеров удаётся роль, я, не откладывая, иду за кулисы — добрые слова нужно говорить вовремя.

Что еще из впечатлений детства отразилось потом в судьбе?.. В Майкопе мы жили рядом с детским домом, где воспитывались дети, у которых в войну погибли родители. У меня было много друзей среди детдомовских. Они были такие же ребята, как и мы. И только порой я, выросшая в счастливой семье, смутно чувствовала — нет, не совсем такие же. Это ощущение, воспоминание каким-то образом помогло через много лет сыграть в фильме «Ищу человека» девочку, потерявшую в войне родителей, но сохранявшую неистовую веру в счастливую встречу с ними. Эта крошечная роль, снятая с первого раза, без дублей, принес-

ла мне международную награду и первую известность.

— Лия, какие проблемы были у вас в детстве и юности, всегда ли окружающие вас понимали!

— Скорее, никогда не понимали до конца. Полное понимание — труднодостижимая вещь. Так же, как и счастье. Недаром их соединили однажды: «Счастье — это когда тебя понимают».

Понимание не просто дается даже людям, которые долго живут вместе и, казалось бы, хорошо знают друг друга: мужу и жене, родителям и детям.

Я очень люблю своих родителей, как и они меня. Они добрые и терпимые люди, но не могу сказать, что в детстве и теперь они всегда понимали меня, мои мысли и поступки. Во многом важном мы сходимся — в отношении к работе, к старикам и детям, одинаково реагируем, напри-

мер, на предательство и хамство. Но в то же время на многие вещи смотрим по-разному. Одно могу сказать — они всю жизнь старались понять меня. Я же затрачивала меньше усилий, чтобы понять их.

Что касается проблем... Я вообще-то человек контактный, у меня много друзей, товарищей. Но в детстве, как ни странно, именно проблема общения со сверстниками была для меня самой болезненной. Взаимоотношения с классом не складывались. На уроках я тянула руку — так хотелось рассказать всем, что я узнала, прочитала, кроме учебников. А меня считали выскочкой. При любой возможности я начинала что-то придумывать, фантазировать — так ведь было гораздо интереснее жить. А мои фантазии воспринимали, как ложь. Я назвала себя, считала плохим человеком, хотя теперь понимаю — не я одна была виновата в той ситуации. Но тогда для меня главным было установить контакт с классом. Любой ценой. И я стала подделываться под ту, какой хотели видеть меня мои одноклассники: сидела тихо, не высказывалась, дружила со всеми. И... о, чудо! Я заслужила признание, но мне стали относиться мягче, одобрительнее, со мной стали дружить. Игра стоила свеч — я стала своей. Тогда я была искренне счастлива. А сейчас понимаю, что просто струсилась, у меня не хватило мужества оставаться собой, идти против течения. Думаю, что тем компромиссом я ущемила свою натуру, и выход надо было искать каной-то другой.

— Есть ли разница между теми качествами, которые вы цените в людях в юности и цените сейчас!

— В семнадцать лет мы считаем, что самое главное в человеке — это ум или красота, или сила. И завидуем этому. С возрастом понимаешь — все второстепенно по сравнению с главным — добротой. Только

ко этому и можно завидовать. И еще с детства я поняла такую вещь: нельзя слушать наветы на тех, кого любишь.

У нас однажды было классное собрание, разбирали девочку, мою подругу, которая якобы в магазине взяла кулек конфет и не заплатила. Я тогда встала и сказала, что не верю этому. У меня не было никаких доказательств, что эту девочку обвинили несправедливо. Кроме одного — я хорошо знала ее и знала, что этого не может быть. И для меня это было главным. Когда не можешь доказать, все решает — веришь ты или нет. И сейчас, если о моих друзьях говорят плохо, я затыкаю уши. Как это у «Ахмадулиной»? «Когда моих товарищей бранят, я понимаю слов закономерность, но нежности моей застенчивости мешает слушать мне, как их бранят».

— Жалуете ли вы о каких-то упущенных в детстве возможностях?

— Не изучила толком ни одного иностранного языка, не занималась музыкой. Основы знаний, культуры закладываются именно в детстве. Потом наверстать упущенное очень трудно. В детстве я думала, что буду учительницей, и теперь мне иногда кажется, что как учительница, я была бы лучше, чем актриса.

— Но теперь у вас появилась возможность хоть частично удовлетворить свое несбывшееся желание — в фильме «Когда я стану вслканом» вы играете роль учительницы английского языка. В этой картине вас окружают юные исполнители. Кроме того, долгие годы вы работали в ТЮЗе. Если исходить из этого опыта общения с подростками, скажите, что вам нравится и не нравится в современных семнадцатилетних!

— Я не могу взять на себя

смелость сказать, что знаю современных подростков. Наверное, я их все-таки не знаю. Да и разные они очень. Я выступала в клубе одной станции. В зале одна молодежь. Боже мой, что они вытворяли вначале! Скакали, прыгали, развязно входили в зал, долго выбирали место, переговаривались. Угомонились только к середине выступления. Печально было видеть это удручающее бескультурье. А следующее выступление было в соседней станции, примерно в ста километрах. Такая же молодежная аудитория, а поведение и нравы совершенно другие: слушали внимательно, задавали интересные вопросы. Станции на вид похожи, а молодежь в них воспитана по-разному.

Современные ребята, с которыми приходилось общаться, в основном умные, тонкие, образованные. Они взрослее, чем я была в их возрасте. Что мне неприятно в некоторых из них? Парень может говорить с приятелем о французской поэзии и тут же, не меняя тона, начать обсуждать достоинство и цену джинсов, которые он перепродал своему другу. Такие деловитые юные бизнесмены.

Самые «неуправляемые» ребята все равно интересны и раскрываются навстречу только тогда, когда почувствуют подлинную твою заинтересованность в них. Мне кажется, что единственная ситуация, когда человек талантлив, удачлив и способен сделать больше, чем может, — это когда его любят и верят ему.

Беседу вела
А. МХИТАРЯН.